

Покушение

Софья Стасевич

18+

Софья Константиновна Стасевич

Покушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70624309

SelfPub; 2024

Аннотация

Брат умер от остановки сердца? А что если все указывает на спланированное убийство? И что делать, когда начинаешь замечать странное поведение родственников и следы разложений на теле?

Софья Стасевич

Покушение

В тот день солнце выжигало лица настолько, что с трудом удавалось открыть глаза. Голова разрывалась от бесконечно-го гула с веранды. Желаящие проститься сновали из одной части двора в другую. Я стояла у зеркала, пристально рассматривая раскрасневшуюся от жары шею. Несколько дней назад умер мой младший брат. Он не дожил до тридцати пяти. Сегодня похороны. Недели не прошло, как он гостил у меня. Я готовила его любимый пирог, мы планировали совместную поездку в Варшаву. У смерти были свои планы. Мы никуда не поехали.

Таким же жарким солнечным днем мне позвонили на работу и сообщили, что его больше нет. Я шла домой, как в бреду. Не единой болезни – здоров, как бык, еще совсем молод. “Смерть от остановки сердца” – заключил патологоанатом. Однако меня не оставляло чувство, что существовала мне не известная, тайная причина. Несколько дней я была убита горем. Жена брата несколько раз навещала меня по вопросам деления имущества покойного. И каждый раз ее лицо казалось мне ненастоящим. Она не была подавлена, ошарашена и даже печальна. Ее лицо напоминало стухший лимон. Ее влажные глаза, будто смоченные уксусом перед визитом, смотрели на бумажки с подписями и притворно дро-

жали. Однако я старалась списать невольные подозрения на свое волнение и любовь к покойному. А все же меня сейчас крутило так, словно я сама его убила. Красная шея двигалась под тугим воротником. Желудок ныл. Подходило время церемонии.

Я вышла к остальным во двор. Привезли гроб, поставили на середине участка покойника. Открыли крышку. Люди сновали вокруг. Я встала ближе. Тело... не было похоже на брата. Оно напоминало куклу, полуую внутри, а снаружи фарфоровую. И на этой бледной белой коже что-то красное привлекло мой внимательный взгляд. Словно пробиралась через несколько плотных слоев грима какая-то сыпь. Жена брата стояла поодаль, напротив меня и чуть подальше от гроба. Она даже не смотрела на покойника, будто не видела этих пятен. Солнце пекло. Началась церемония. Я ощупывала красную шею, впиваясь взглядом в сыпь, которая все больше проявлялась сквозь таявший на солнце грим. Слова священника и родственников – громкие, но неслышные. Для меня не существовало ничего, кроме того, что когда-то называли именем моего брата. Он и только один вопрос: почему?

Мой муж наслаждался компанией молодой жены умершего. Они почему-то стояли рядом и смотрели на меня. Все смотрели на меня. Скрутило. Завтрак подошел к горлу. Я побежала в уборную, где полчаса назад рассматривала свою шею. Мне вслед отзывалась тишина и несколько десятков

взглядов в спину. Захлопнулась дверь. Меня вывернуло в идеально вычищенный для гостей унитаз. Рвотные позывы не прекращались. Второй. Третий. Обернулась. Подняла голову к зеркалу. Красная шея горела. Руки словно покрылись крапивницей.

– Все хорошо? – заколотили в дверь. Я вздрогнула. Это был голос моего мужа.

Дрогнула щеколда. Муж схватил меня, спросил, что случилось. Потрогал мой лоб. “У тебя жар. Иди домой”. Давно я не чувствовала от него никакой ласки. И вот я ковыляю по светлым выжженным улочкам. Частные дома. Летний сезон. Дети играли в мяч, смеялись, убегали друг от друга, прятались за высокими каштанами. Жизнь была ключом. А я вспоминала только жирное от подтаявшего грима, словно восковые черты покойника. Почему ты умер? Почему оставил меня? Слезы катились по моим щекам, охлаждая обожженное солнцем лицо.

Я захлопнула дверь квартиры. Тишина. Сползая по стенке прямо около входа, зарыдала. Вспоминала эту сыпь. Тепло пылало. Я поползла к кровати. Виски пульсировали. Несколько рывков – и я лежала, словно в бреду. Не помню как я провалилась в сон. Похороны. Во дворе покойного никого. Солнце неестественно близко к земле, сушит мои глазницы. По середине лужайки стоит открытый гроб. Зловеще тихо. Подхожу совсем близко. Брат. Смотрит на меня. Солнце исчезает за тучами. Наползает густой туман. Его еще

влажные глаза широко открыты. Его стянутые засохшие губы начинают шевелиться. Раздается хрип, такой неопределенный, безжизненный. Из этих звуков рождаются слова.

— Она меня убила, — прошипел он с усердием, словно вырывая каждый хрип из своих легких.

По моим венам пробежало что-то холодное. Я попятилась, попыталась бежать. Ноги меня не слушались. Сердце бешено стучало. Несмотря на усилия, не получилось сдвинуться и на сантиметр. Я обернулась. Гроб был пуст. Вдруг чья-то сильная рука коснулась моей спины. Толчок. Падение. Открыв глаза, обнаружила над собой открытую крышку гроба. Надо мной возвышались две фигуры — женская и мужская.

— Это твое место, — дерзнул грудной голос.

Крышка с грохотом захлопнулась. Стало темно. Наступила тишина.

Я проснулась. Желтый свет ударил по моим иссохшимся глазам. Липкое от холодного пота тело противно прилипло к одеялу. Внезапно из коридора послышался женский голос.

— И как она себя чувствует? — кажется, это была жена брата.

— Паршиво. Лоб горячий.

— Ты справишься. Я в тебя верю, — сказала она даже с нежностью, — держи, это поможет, — она что-то ему передала, молчание длилось несколько долгих секунд, — По пять капель, — добавила она предельно внимательно.

Голоса смолкли. Входная дверь захлопнулась. Через пару минут с кухни послышался голос мужа. Он звал меня ужинать. Он редко готовил для меня. Что эта дрянь передала ему? Я пришла на кухню. На столе красовался куриный бульон. Руки охватила лихорадка. Муж спрашивал о самочувствии. Пришлось опустошить половину тарелки. После ужина проспала до следующего вечера. После кошмарных снов длиною в сутки я пошла в ванную. Мое сердце упало. Какая-то красная сыпь на шее и руках. Сыпь как у покойника. Я разделась. Все тело было покрыто красноватыми пятнами. Я начала трогать нескончаемые волдыри. Расчесывать их ногтями. Смех. Я слышу смех. Кажется, муж говорит по телефону. Я натянула халат и аккуратно подкралась к двери, за которой стоял столик с домашним телефоном.

–Буду через час, – он резко положил телефонную трубку.

–Куда собираешься? – своим вопросом я заставила его обернуться от испуга.

–Проснулась? На работу вызвали.

Я промолчала. Пошла на кухню. Хлопнула входная дверь. Он ушел. Я не знала куда. Никого у меня не осталось. Я достала бутылку вина. Села у зеркала и заплакала. Сон застал меня на полу. Проснулась спустя несколько часов. Солнце уже спряталось за горизонт. Ночь – и дома никого. Голова так раскалывалась. Он точно хочет, чтобы я сдохла. Глоток за глотком. Я знала – они меня убивают. Я чувствовала, что смерть близка. Моя кожа горела. Я не хотела смотреть в

зеркало. Это получилось случайно. Я никогда не забуду это мгновение. Живой труп. Сыпь превратилась в волдыри. Кожа стала красной и воздушной, сильно обтянула череп. Я закричала.

—Что ты сделал со мной? — я бросилась к шкафам, сбросила с полок все вещи, я искала ампулы с ядом, чертовы таблетки или микстуры. Я не знала, что ищу. Расчищала все на своем пути — куда ты их убрал, сукин сын? Я хочу жить, а ты решил, что имеешь право отравить меня? Променял меня на эту дешевую потаскушку? И вали! — Я сделала еще пару глотков вина, — сюда вы тоже добавили эту дрянь? — я бросила бутылку в стену. Она прилетела в зеркало. Оно покрылось маленькой паутинкой. Бутылка, громко звякнув об пол, осталась цела, только излилась кровью, словно раненый зверь. Я снова оказалась у зеркала. Уродливая, гниющая плоть. Я стала сдирать с себя кожу, она растягивалась под моими пальцами, отпадала кусочками, оставляя за собой мокрое розовое мясо, — Что вы наделали? — я, задыхаясь, поползла к унитазу. Меня стошнило. Еще раз. И еще. Я хотела избавиться от этой дряни. Я не могла умереть. Спустя пару минут я обессилено упала на ободок унитаза. Щелчок. В квартире зажегся свет. Я потеряла сознание.

Меня ослепила белая вспышка. Больница. В вене канюля от капельницы. Я жива. Вошел человек в белом халате. На мои расспросы про яд и отравление он отвечал односложно. В конце разговора поднес к моему лицу зеркало. Никаких

следов разложений. Доктор вышел. Я осталась в палате одна.

–Лекарства, прописанные пару месяцев назад, перестали действовать. Шизофрения прогрессирует, – услышала я за дверью.